

ОСТРОВСКИЙ ПОМОГАЕТ НАЧИНАЮЩИМ ПИСАТЕЛЯМ

ПЕРЕПИСКА ОСТРОВСКОГО С А. А. КУДРЯВЦЕВЫМ

Сообщение И. С. Зильберштейна

Многие выдающиеся русские писатели часто от всего сердца и самым действенным образом помогали молодым собратьям по перу.

Вспоминая о том, какую огромную пользу принесло ему общение с Пушкиным, Гоголь писал после гибели поэта: «Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы <...> Нынешний труд мой, внушенный им <«Мертвые души»>, его создание»¹. А десять лет спустя, в 1847 г., Гоголь счел необходимым сказать в статье: «Пушкин <...> отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы, и которого, по словам его, он не отдал бы другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ». Мысль «Ревизора» принадлежит также ему»².

Тургенев с такой охотой и с таким радушием покровительствовал каждому, даже явно бесталанному молодому литератору, обращавшемуся к нему за помощью, что поэт Н. Ф. Щербина в сатирическом «Соннике современной русской литературы» утверждал: «Тургенева во сне видеть — предвещает получить тонкую способность откопать талант там, где его вовсе нет»³.

А сколько заботы проявлял Чехов по отношению к тем начинающим писателям, которые считали возможным утруждать его бесчисленными просьбами!

Подлинным воспитателем молодых поэтов на протяжении ряда лет своей недолгой жизни был Блок. Потокотом шли к нему рукописи стихотворений и поэм — иногда в виде объемистых тетрадей — от авторов, желавших узнать его мнение. Он все читал и нередко излагал в письмах то, что думал о прочитанном.

Неисчислимы факты помощи, оказанной Горьким романистам и новеллистам, очеркистам и журналистам всех возрастов...

Можно привести сотни примеров того, сколько внимания уделяли замечательные советские писатели старшего поколения своим младшим коллегам. Но ограничусь лишь одним примером. Когда, задумав создать коллективный сборник «Творчество Константина Федины», я обратился к некоторым нашим писателям с просьбой рассказать о встречах с маститым прозаиком, одним из первых откликнулся Константин Симонов. Назывались его воспоминания «То, чего не забудешь», и поведал он в них, с какой сердечностью реагировал Федин на его просьбу прочесть в рукописи роман «Товарищи по оружию». Почти десять страниц книжного текста занимают в этих воспоминаниях два письма Федины, посвященные детальному разбору рукописи. Говоря о первом полученном отклике, Симонов писал: «Я ждал ответа с нетерпением и довольно долго, но, получив письмо Федины, был вознагражден за это ожидание такою мерою щедрого дружеского внимания и такою мерою писательской профессиональной заботы старшего о подающем надежды младшем, которой я ни разу и ни от кого не видел». И далее Симонов с полным основанием делал такой вывод: «Письмо Федины — это была не просто помощь добрым и умным советом, за его письмом стоял большой писательский труд — труд, потраченный на меня, на то, чтобы помочь мне стать писателем. И я понимал меру этого труда, понимал, что прочесть мою рукопись так, как прочел ее Федин, и написать о ней так, как он о ней написал, — значит потратить на литературное воспитание в общем-то начинающего прозаика Симонова не часы и не дни, а, очевид-

но, две-три недели, оторванные от собственной работы, от фединской прозы. Труд такого рода всегда, в той или иной мере, — жертва, всегда — самоотречение. Но в данном случае мера этой жертвы поразила меня и оставила благодарным на всю жизнь»⁴.

На всю жизнь оставались благодарными Островскому те молодые, хотя бы в небольшой степени одаренные писатели, которые просили ознакомиться в рукописи с их работами. Правда, временами бывало и так, что Островский признавался друзьям: «Приносят такое, что читать невозможно, станешь читать, вначале еще, что и похоже на что-нибудь, а затем и пошло: и дьяволы, и гром, и бенгальские огни, только говорящей собаки нет, — да все это нагромождено так, что и не разберешься, в чем суть пьесы, а то читаешь, читаешь, а в конце вопрос автора, что сделать с героем, женить его или заставить повеситься»⁵. И все же сколько драгоценнейшего времени приходилось расходовать Островскому — в ущерб осуществлению собственных замыслов — на этот изнурительный и неблагодарный труд, на ознакомление с подобного рода бессмысленными писаниями, сколько сил нужно было затратить, чтобы убедить начинающего графомана, что драматург из него не выйдет.

Но никогда Островский не жалел времени, когда примечал искру таланта у автора, приславшего на отзыв свое произведение. Существует автобиография Островского, написанная им менее чем за два года до кончины (она датирована 28 августа 1884 г.). В ней о молодых драматургах сказаны идущие от всего сердца строки, которые нельзя читать без волнения! А главное, у Островского были все основания так утверждать:

«У начинающих писателей только один и есть защитник — это я: я, как только стал на ноги, так и начал другим помогать. Я никогда никому не завидовал; при появлении нового таланта я всегда радовался и говорил: «Слава богу, нашего полку прибыло». Что я сделал для русской драматургической литературы, — это оценится впоследствии. До сих пор у меня на столе меньше пяти чужих пьес не бывает. Если в сочине глупых и пустых актов я найду хоть одно явление, талантливо написанное, — я уж и рад и утешен, я сейчас разыскиваю автора, приближаю его к себе и начинаю учить. Когда какое-нибудь произведение выдается на сцене, актеры говорят, что тут непременно есть или моя рука или мой совет» (XII, 251—252).

В превосходной книге профессора А. И. Ревякина «Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского» приведены подробные сведения об отношении великого драматурга к молодым литераторам⁶. Но тема эта далеко не исчерпана, так как существуют еще не известные в печати документы из переписки Островского. Некоторые из них, обнаруженные недавно, свидетельствуют о том, как начинающие авторы тянулись к нему за советом и как он при всей занятости даже на закате жизни не отказывал им в этом. Два таких впервые публикуемых документа я приведу здесь.

Среди писем к Островскому, сохранившихся в той части его архива, которая ныне находится в Государственном центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина, имеются и адресованные ему письма студентов. Часть этих писем известна в литературе, другие пока не изданы. Среди них письмо студента историко-филологического факультета Московского университета А. А. Кудрявцева. Оно не привлекло ранее внимания исследователей, потому, быть может, что оставалось неизвестным, как реагировал Островский на это письмо. Теперь ответ великого драматурга отыскался, удалось выявить и интересные сведения о Кудрявцеве. Но прежде чем рассказать о нем, приведу его письмо к Островскому и ответ писателя.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Вы меня совершенно не знаете и потому легко может случиться, что и это письмо и та просьба, которую вы в нем найдете, покажутся вам странными. Я сознаю это и тем не менее пишу к вам, потому что не могу не писать. Может быть, вы извините мне мою неделикатность, когда узнаете, в чем дело.

Я написал драму и решительно не знаю, что мне с ней делать: мне необходим суд человека, хорошо понимающего драматическое искусство; прямо отдавать ее на суд публики я не решаюсь. Я обращаюсь к вам, мно-

*Любезнейшему другу,**Алексею Феофилактовичу**Писемскому**А. Островский**5 марта 1880 г.*

ДИКАРКА

КОМЕДИЯ

в 4-х действиях.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- АННА СТЕПАНОВНА АШМЕТЬЕВА — старуха, богатая помещица.
 АЛЕКСАНДР ЯКОВИЧ АШМЕТЬЕВ — ее сын, почти постоянно проживающий за границей и в Петербурге, представительный, но довольно врасхолованный господин; костюм и манеры парижанина лучшего тона.
 МАРЬЯ ПЕТРОВНА — жена его, молодая женщина.
 КИРИЛЬ МАКСИМЫЧ ЗУБАРЕВ — старик из крупных землевладельцев, богатый сосед Ашметьевых, управляет их имением, одит их имение старого покров, из дешового материала, siamo усм подстражем.
 БАРИ — его дочь, молодая девушка.
 ВИКТОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕРНИНСКИЙ — значительный чиновник из Петербурга, молодой человек.
 ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ МАДЬКОВЕЦ — помещик, молодой человек.
 МИХАИЛ ТАРАСЫЧ БОЕВЪ — соседъ Ашметьевых и Зубарева, 45 лѣтъ, холостакъ.
 МАВРА ДЕНИСОВНА — вдова Бари, старуха.
 ГАВРИЛО НАВЫЧЪ — камердинеръ Ашметьевых.
 СМСОЙ ЛАНКРАТЬЕВИЧЪ — старш. слуга Ашметьевых.

ПЬЕСА «ДИКАРКА» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ А. Ф. ПИСЕМСКОМУ:

«Любезнейшему другу, Алексею Феофилактовичу Писемскому. А. Островский. 5 марта 1880 г.»

Центральный театральный музей, Москва

гоуважаемый Александр Николаевич, не откажитесь быть моим судьей. У нас в университете — я студент — когда затрудняешься решением какого-нибудь научного вопроса, можно обратиться к профессору и так или иначе выйти из затруднения; в литературе нет таких профессоров, а они необходимы, в особенности в области драмы. У нас на сцену принимаются почти все за исключением разве немногих вещей, которые бракуются вследствие полного отсутствия смысла; полагаться на суд публики и фельетонных рецензентов по меньшей мере опасно. Между тем успех или неуспех первой пьесы, как мне по крайней мере кажется, для начинающего писателя имеет очень, очень большое значение. Поэтому очень важно решить, стоит ли пьеса того, чтобы отдавать ее на сцену, или следует подождать другого более зрелого труда или... уж лучше совсем оставить. Как же разобраться в этих вопросах? Самому, конечно, немисливо: как ни старайся посмотреть со стороны на свой труд, вполне беспристрастным никогда не будешь. Мнения так называемых «друзей», пожалуй, еще более сбьют с толку: по крайней мере меня они опьянили не вполне, беспристрастная, хладнокровная оценка мне необходима. Между моими знакомыми нет никого, кто бы хорошо знал сцену; вот причина, руководствуясь которой я решил обратиться к вам.

В моем решении меня поддерживают еще два обстоятельства. Во-первых, мне известно, что под вашим руководством начал свою деятельность не один молодой драматург (Невежин, Соловьев), а во-вторых, мою смелость укрепляет еще та мысль, что ведь вы не посторонний, не чужой человек: ни для какого русского, сколько-нибудь любящего родное искусство, вы как автор «Грозы», «темного царства», «Талантов и поклонников» не можете быть чужим. Я, разумеется, не хочу (потому что не имею

никакого права) просить вас поправлять, округлять, сгладить неровности в моей драме, я хочу только попросить вас уделить мне 3—4 часа времени на ее прочтение: вы скажете мне, есть ли в ней это что-то, без чего нельзя и думать о литературной деятельности, будет ли она иметь какой-нибудь успех и укажете, какие сцены в ней лишние, потому что я сам сознаю, что таких сцен много, что она порядком растянута, а это, разумеется, очень вредит ее сценичности.

Александр Николаевич! Я буду вполне искренен с вами. Вы не можете себе представить, чего мне стоит писать к вам. Вы поймете, что это ведь очень мучительно: тут и боязнь показаться смешным и еще бóльшая боязнь не достигнуть желаемого, не получить от вас ответа. Последняя мысль гораздо мучительнее первой: я вполне уверен, что письмо это не возбудит в вас особого смеха, хотя бы в силу своей полной искренности. Но ответ... Я думаю, с какой стати вы будете отвечать мне: ведь по совести говоря, вам до меня не может быть ни малейшего дела. Да и потом вы человек занятой, может быть, вы и не можете тратить времени для человека, вам совершенно неизвестного. Все это я хорошо понимаю, но что же мне делать-то? У меня нет настолько благоразумия, чтобы отказаться от желания прочесть вам свою пьесу, у меня все вертится в голове мысль: ведь я прошу только 4-х, только 4-х часов, а для меня это вопрос, во всяком случае, один из самых важных в жизни.

Поэтому, при всей странности моей просьбы, я все-таки надеюсь не получить отказа. Назначьте мне время, я буду у вас и, если вы позволите, прочту вам свою драму; мне очень хотелось бы прочесть ее самому, потому что мне кажется, я сумел бы голосом выразить то, чего мне, может быть, в некоторых местах драмы не удалось выразить на бумаге; да и вообще, я думаю, характеры были бы более ясны, если бы я читал ее сам. Если это уже совершенно невозможно, тогда вы позволите занести ее мне и оставить у вас: вы прочтете ее сами. Я буду ждать вашего ответа. Если даже вы не захотите прочесть ее, и тогда, ради бога, отвечайте мне и — не сердитесь за назойливость — отвечайте, насколько это можно, скорее: вы ведь сами, конечно, понимаете, какие минуты я буду переживать между отправкой своего письма и получением вашего ответа.

Вот еще: если вы будете так добры, что позволите мне быть у вас и прочесть у вас драму, пусть при чтении не будет посторонних лиц: я и так не знаю, с каким лицом я войду к вам, а лишний человек меня еще более сконфузит.

Совсем забыл: может быть, вам самим, даже если вы бы и захотели, нельзя будет почему-либо скоро исполнить мою просьбу, тогда укажите мне человека, который бы мог до известной степени заменить вас. Как я вам буду благодарен, не говорю, вы понимаете хорошо сами.

Надо кончать письмо, оно и без того длинно: плохая рекомендация для первого знакомства, а мне все-таки кажется, что что-то недосказано, что нужно было бы сказать что-то еще, что могло бы убедить вас; ну, все равно, мне думается, что вы и без того согласитесь, хотя бы потому, что вы — Островский.

Прощайте; мне хотелось бы сказать, до свидания, Александр Николаевич.

С глубоким уважением остаюсь Александр Кудрявцев.

P.S. Если вы захотите ответить мне, вот мой адрес: Москва, Землянка, Тетеринский переулок, дом Грачева, студенту Александру Алексеевичу Кудрявцеву.

P.P.S. Письмо мое, ради бога, уничтожьте, я боюсь, что оно может кому-нибудь попасться на глаза.

Февраля 4-го 1883 г.?

Студент Кудрявцев был прав: Островский всегда оставался человеком большой души. На следующий же день, сразу по получении этого письма, он отправил ответ. Вот его текст:

5 февраля 1883 г.

Милостивый государь Александр Алексеевич.

В том, о чем вы меня просите, я никогда и никому не отказываю. Приносите пьесу, когда вам угодно. Я всегда дома. Я ее прочту сам и скажу вам искренно мое мнение.

Готовый к услугам А. Островский⁸.

Как и почему лишь недавно, спустя 85 лет после кончины Островского, автограф этого ранее неведомого письма обнаружился, да к тому же в Чехословакии? Как он туда попал?.. Кем стал Кудрявцев и чем ознаменовалась его дальнейшая жизнь? Такие вопросы, естественно, возникают после ознакомления с содержанием обоих писем. На все эти вопросы можно ответить с полнейшей точностью.

Всего тридцать лет прожил А. А. Кудрявцев — он родился в 1863 г., а умер в 1893 г. И хотя не каждому скромному труженнику, чья жизнь оборвалась в таком молодом возрасте, дано остаться в памяти современников светлой и незабываемой личностью, Кудрявцев, видимо, удостоился такой памяти. Его жизнь была содержательной и по-своему яркой. Великая любовь Кудрявцева к работе, которую можно было назвать самозабвенной, неистовой, и довела его так рано до могилы.

По окончании в 1885 г. Московского университета, Кудрявцев стал преподавателем русского языка и истории в Лазаревском институте восточных языков, одновременно читал лекции по истории драмы в Театральном училище, занимался литературной деятельностью: писал пьесы, повести, рассказы, статьи, печатался в журналах «Артист», «Русская мысль».

В тогдашней периодической печати удалось отыскать несколько некрологов Кудрявцева, в которых о нем говорилось в самых восторженных тонах.

Так, в одном из них сказано: «Это был самоотверженный работник на поприще тяжелого педагогического труда, вносивший в этот труд свою душу, учитель — друг своих учеников, учитель-воспитатель, действовавший на свой класс и солидностью своих научных познаний, и влиянием своей личности. Он был человек нежной, тонко чувствующей, редко-благородной души <...> Кроме педагогического труда, покойный усиленно занимался наукой и литературой. Здесь он весь еще был в будущем и, полный надежд и светлых планов, скончался, подкошенный тяжелым трудом и болезнью»⁹.

В другом некрологе Кудрявцев был назван «замечательный педагог, автор многих научных статей», там же сообщалось, что в «Русской мысли» печатались его библиографические заметки, а также «большая» статья «Средневековое мировоззрение»¹⁰.

В отделе рукописей ГЦТМ хранится некролог Кудрявцева, написанный его другом В. А. Михайловским. Здесь, в частности, говорится, что Кудрявцев печатал в журнале «Артист» рассказы под псевдонимом «А. Воронежский»¹¹.

Там же находится отпечатанный на стеклографе экземпляр «Лекций по истории драмы и театра, читанных Кудрявцевым в императорском Театральном училище и составленных учеником I курса бывшим студентом А. Лысаком (Древняя Греция, Рим и средневековая драма)»¹².

В одном библиографическом справочнике была упомянута книжка «Памяти Александра Алексеевича Кудрявцева», выпущенная в 1893 г. в Москве. Но ее не оказалось даже в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. И лишь единственный экземпляр книжки нашелся в Государственной исторической библиотеке¹³. Из пяти выступлений о Кудрявцеве, напечатанных в этой книжке, три заключают в себе ценные сведения о его личности и литературной деятельности, а одно дало возможность установить, каким образом Островского к Кудрявцеву оказалось в Чехословакии.

Большой теплотой пронизано напечатанное в этой книжке выступление П. Г. Виноградова, впоследствии знаменитого историка западного средневековья, избранного действительным членом Российской Академии наук, а также Британской, Берлинской, Норвежской и Датской академий наук. Виноградов, в частности, говорил, что «если в самом преподавании, в конце концов, главная заслуга преподавателя, если истинное учительство есть великое и святое дело, то короткая деятельность Александра Алексеевича Кудрявцева заслуживает внимания и почета». И далее Виноградов утверждал: «Александр Алексеевич жил и действовал под влиянием великой идеальной силы — науки. Научные интересы, научные занятия никогда не прерывались и не ослабевали в его жизни <...> Он был всецело проникнут сознанием серьезности, величия научного дела <...> Его лично наиболее интересовал общий ход культурного развития — в особенности связь между изящной литературой и жизнью народов. Чтобы схватить эти отношения, чуть художника нужно, пожалуй, более, чем точное исследование ученого. В природе Кудрявцева была несомненно эта художественная способность, и он с верным инстинктом все более и более отдавался изучению литературы и связанной с ней культурной истории».

Одним из тех друзей Кудрявцева, чьи выступления напечатаны в упомянутой книжке, был А. А. Кизеветтер, в дальнейшем — доктор русской истории, автор ряда капитальных монографий. В своем выступлении Кизеветтер говорил о Кудрявцеве: «Если бы Александр Алексеевич мог подслушать теперь речи своих учеников, он ощутил бы облегчительное сознание, что он работал не даром: в целом ряде молодых жизней он оставил неизгладимый след влиянием своей обаятельной личности». Далее Кизеветтер вспоминал: «Он лежал тяжелобольной, мучительно страдая. Я рассказал ему, с каким живым участием и чисто родственной тревогой ученики наперерыв спрашивают меня о состоянии его здоровья. Он сказал, что это его ободряет. «Еще бы, ведь это — оправдание деятельности», — заметил я. «Это оправдание ж и з н и», — ответил он глубоко взволнованным голосом».

По-видимому, незадолго до смерти Кудрявцев подарил адресованное ему письмо Островского своему другу Кизеветтеру. С 1922 г. Кизеветтер жил в Чехословакии, где был профессором Пражского университета. Умер он в 1933 г. Недавно его дочь, живущая в Праге, передала бумаги отца в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Таким образом и возвратился на родину автограф письма Островского к Кудрявцеву.

В названной книжке интересна статья писателя Н. И. Тимковского «О литературной деятельности и литературных стремлениях А. А. Кудрявцева», в которой говорится: «Театр и литература — вот что всегда тянуло его к себе <...>. По всему душевному складу он был всегда и прежде всего литератором <...>. Это была натура богато одаренная и удивительно разносторонняя <...>. Его заветной мечтой всегда была деятельность литературная, посредством которой он мог бы проводить в общество свои идеи, убеждения, выступать защитником всего, что есть лучшего в человеке и для человека»¹⁴.

Таким был Кудрявцев, в студенческие годы передавший свою первую пьесу на суд Островскому. Как отнесся к ней великий драматург — неизвестно. Возможно, что то была драма «Леев», в которой автор вывел «лишнего» человека, замученного самоанализом. Рядом с героем драмы, как бы по контрасту с ним, создан образ девушки Нагаши, которая жаждет дела, не терпит уступок и компромиссов, презирает слабость и ищет человека непосредственного, цельного. Такую натуру она находит в лице Вовка, героя жизнелюбивого и смелого¹⁵.

* * *

Нет на свете таких весов, на которых можно было бы взвесить, какую часть своей жизни затратил Островский, чтобы помочь молодым драматургам стать мастерами этого нелегкого дела. Но о том, с какой самоотверженной отзывчивостью он занимался этим, можно заключить из письма, отправленного брату 9 сентября 1885 г., за девять месяцев до кончины:

«Кроме теоретических работ, я занимаюсь постоянно чтением множества пьес, которые мне шлют со всех концов России. Я всем авторам отвечаю, много пьес возвращаю назад, некоторые подробно разбираю, критикую и даю авторам советы, как их исправить; а вот уже два лета и зиму я занимался этим усиленно, и у меня уже готово пять, исправленных по моим указаниям хороших пьес, а одна — просто шедевр, и все начинающих писателей» (XVI, 195).

Студент Кудрявцев, мечтавший стать драматургом, сетовал, что в литературе нет таких профессоров, к которым можно было бы обратиться, чтобы «так или иначе выйти из затруднения», и поэтому для решения судьбы своей пьесы ждал ответа Островского, который всегда оставался великодушным учителем и наставником молодых.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Из письма Гоголя к П. А. Плетневу 16/28 марта 1837 г. из Рима. — Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. XI. Письма 1836—1841. Л., 1952, стр. 88—89.

² Н. В. Гоголь. Авторская исповедь. — Там же, т. VIII, 1952, стр. 440.

³ Н. Ф. Щербина. Полн. собр. соч. СПб., 1873, стр. 334.

⁴ «Творчество Константина Федина». Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фединым. Библиография. — Издание подготовил И. С. Зильберштейн. Редакция: И. С. Зильберштейн, А. Г. Деметьев, В. Р. Щербина. М., 1966, стр. 484—493.

⁵ И. А. Кунчинский. Из воспоминаний об А. Н. Островском. Курск, 1913, стр. 15.

⁶ Глава «А. Н. Островский и начинающие писатели» в кн.: А. И. Ревякин. Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского. М., 1962, стр. 153—189.

⁷ ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 1066, № 67406.

⁸ ГБЛ, ф. 566, к. 20.

⁹ Товарищ. А. А. Кудрявцев (Некролог). — «Русские ведомости», 1893, № 67, 10 марта.

¹⁰ Некролог. — «Всемирная иллюстрация», 1893, № 1262, 27 марта, стр. 254.

¹¹ ГЦТМ, ф. 172, ед. хр. 294, № 145931/16.

¹² Там же, коллекция научных работ, ед. хр. 104.

¹³ «Памяти Александра Алексеевича Кудрявцева». М., 1893. 58 стр. Цензурное разрешение 28 мая 1893 г.

Экземпляр этой книжки, ныне хранящийся в Государственной исторической библиотеке, принадлежал известному библиофилу Алексею Петровичу Бахрушину. О нем см.: П. Н. Берков. История советского библиофильства. М., 1971, стр. 17, 50.

¹⁴ «Памяти Александра Алексеевича Кудрявцева», стр. 8, 9, 10; 13, 14; 44, 45, 46.

¹⁵ Об этой пьесе говорит Н. И. Тимковский — там же, стр. 48.